

Научная статья

УДК 398.5

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-89-101>

Эргунэ-Кун: путь Буртэ-Чино и Окинский край

Баир Сономович ДугаровИнститут монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия,
khairkhan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6885-7658>

Аннотация. Уже не одно поколение монголоведов задается вопросом о существовании Эргунэ-Кун – прародины монголов и его географическом расположении. Сторонники восточной (аргунской) версии связывают местонахождение Эргунэ-Кун с названием реки Эргунэ (Аргунь). Есть и приверженцы западной версии, вектор исследований которых касается Прихубсугуля, Горной Бурятии и Тувы. Между тем начальные строки «Сокровенного сказания», в которых очерчено движение Буртэ-Чино и супруги Гоа-Марал от Внутреннего моря Тэнгис (Байкал) до истоков Онона, содержат имплицитный намек на начало их пути, связанное через Приангарье с гольцами Восточного Саяна, чей ярко выраженный горный рельеф соответствует Эргунэ-Кун, согласно описанию Рашид-ад-Дина. Сами Саянские горы в бурятском эпосе именовались Хухэй (Небесные горы), а в шаманских призываниях – Мундарга (гольцы, скалистые вершины). Важно отметить, что в отличие от восточной гипотезы Эргунэ-Аргунь, в восточносаянской версии прослеживается связь с местной топонимикой (долина Монголжон в Оке) и сакральным фольклором окинских бурят. Так, мотив легенды о братьях Кият и Нукуз, нашедших в труднодоступных горных теснинах спасение от врагов и обретших здесь родину, находит отклик в местной легенде о братьях Бурэнхане и Тархае, первыми обжившими долины Оки. Имя предводителя «племени волка» Буртэ-Чино отзывается в орониме культовой горы восточносаянского нагорья – Бурэнхан, чье имя складывается из двух компонентов: Бурэн – от тюрк. *бури* волк плюс хан (владыка). Миф о расплавленной горе как метафорически знаковый элемент эргунэ-кунской эпопеи находит реальное подтверждение в вулканических извержениях вблизи обжитой монголами территории, что, по мнению иркутских вулканологов, занимавшихся этим вопросом, могло спровоцировать их уход из Эргунэ-Кун. Эти совпадения имеют, вероятно, определенный исторический контекст и являются сакральными знаками, свидетельствующими в пользу идентичности Эргунэ-Кун и Окинского края.

Ключевые слова: прародина монголов, окинские буряты, Восточный Саян, Окинский край, легенды, миф, сакральный фольклор, племя волка, культовая гора

Для цитирования: Дугаров Б. С. Эргунэ-Кун: путь Буртэ-Чино и Окинский край // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 89–101. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-89-101>

Original article

Ergune-Kun: path of Burte-Chino and Okinsky region

Bair S. Dugarov Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia,
khairkhan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6885-7658>

Abstract. More than one generation of Mongol scholars has been asking about the existence of Ergune-Kun - the ancestral home of the Mongols and its geographical location. Most active have been scholars who support the eastern (Argun) version connecting the location of Ergune-Kun with the name of the River Ergune (Argun). There are also adherents of the western version whose research vector concerns the Khubsugul region, Mountainous Buryatia and Tuva. For the medieval Mongols the location of Ergune-Kun was clear and therefore there was no need to indicate it. However, the opening lines of the "Secret History", outlining the way of Burte-Chino and the wife Goa-Maral from the Inner Sea Tengis (Baikal) to the springheads of Onon, contain an implicit hint to the beginning of their path connected through the Angara region with the mountains of the Eastern Sayan whose pronounced mountainous relief corresponds to Ergune-Kun, according to the description of Rashid al-Din. The Sayan mountains themselves were called Huhei (Heavenly mountains) in the Buryat epic, and in shamanic invocations - Mundarga (rocky peaks). It is important to note that in contrast to the eastern hypothesis of Ergune-Argun, in the case of East Sayan version there is an interesting connection with local toponymy (the Mongolzhon valley in the Oka) and sacred folklore of the Oka Buryats. The motive of the leg-

© Дугаров Б. С., 2022

end about the brothers Kiyat and Nukuz, who escaped from enemies in the hard-to-reach mountain gorges and settled here, is echoed in the local legend about the brothers Burenkhan and Tarkhai, who were the first to inhabit the Oka valley. The name of the leader of the wolf tribe Burte-Chino resonates in the oronym of the cult mountain of the East Sayan highlands - Burenkhan, whose name is composed of two parts: Buren - from Turkic *huri* 'wolf' and *khan* 'lord'. The myth about the molten mountain as a metaphorically symbolic element of the Ergune-Kun epic finds real confirmation in volcanic eruptions near the territory inhabited by the Mongols, which, according to Irkutsk volcanologists working on this issue, could have provoked their departure from Ergune-Kun. These coincidences probably have a certain historical context and are sacred signs testifying to the identity of Ergune-Kun and the Okinsky region.

Keywords: ancestral home of Mongols, Oka Buryats, Eastern Sayan, Oka region, legends, myth, sacred folklore, wolf tribe, cult mountain

For citation: Dugarov B. S. (2022) Ergune-Kun: path of Burte-Chino and Okinsky region. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 1. P. 89-101. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-1-89-101>

Где находится Эргунэ-Кун?

Этим вопросом, который проливал бы свет на истоки этноса, создавшего мировую империю, задавалось не одно поколение монголоведов. Амплитуда определения географического расположения Эргунэ-Кун колебалась от Кукунора до Южной Монголии (Я. И. Шмидт и Д. Банзаров), от Алтайских гор (Г. Ф. Миллер и Н. Я. Бичурин) до р. Аргуни (И. Е. Фишер, О. М. Ковалевский и П. И. Кафаров). Последняя – восточная или аргунская – версия оказалась подхваченной современными исследователями – Х. Пэрлээ, Л. Билэгт (Монголия), Элдэндэй, Ардажаб, Алтаноргил (Внутренняя Монголия), А. А. Семенов, Л. Р. Кызласов, Е. И. Кычанов, Б. Р. Зориктуев.

Как бы в противовес появляются сторонники западной версии, географически связанной с саянским регионом, – хубсугульская (Х. Пэрлээ, Д. Гонгор, А. Амар), тувинская (Чиндамуну, Ч. Далай, Н. В. Абаев) и тункинско-джицинская (С. Ш. Чагдуров). Позиции, благосклонной к саяно-байкальской ориентации, придерживается П. Б. Коновалов, обозначивший пространственное движение Буртэ-Чино – главного персонажа эргунэ-кунского феномена двумя этапами. Первый – образование супружеского союза Буртэ-Чино и Гоа-Марал на территории Северной Монголии между Хангаем и Саянами. Второй – переход «народа Буртэ-Чино» с промежуточной земли, названной в «Алтан тобчи» Лубсан Данзана «Дзадын газар» и соответствующей Прибайкалью, в район истоков Онона у горы Бурхан-Халдун (Коновалов, 1999. С. 109).

Из всех перечисленных выше ученых особо выделяется своей многолетней приверженностью эр-

гунэ-кунской теме Б. Р. Зориктуев, считающий «восточную ориентацию бесспорно предпочтительной», в отличие от последователей западной ориентации, «общей слабостью позиции которых является то, что на указываемых ими территориях нет названия Эргунэ» (Зориктуев, 2011. С. 11). Так утверждает автор в своей монографии «Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят» (Зориктуев, 2011), где первая глава «Эргунэ-Кун и начало монгольской истории» с подглавой или параграфом «Исход монголов из Эргунэ-Куна в Предбайкалье» полностью посвящена искомой теме.

Как ни парадоксально, при всей научной компетенции Б. Р. Зориктуева в этом вопросе, его аргументированное изложение материала с привлечением собственных полевых данных не достигает своей конечной цели. Дело в том, что автор пошел, как нам представляется, по ложному следу, увлекшись словом Эргунэ, созвучным Аргунь (в монгольском произношении Эргунэ) – названию реки в Маньчжурии. Примечательно, что Рашид-ад-Дин приводит название этой реки в связи с обозначением параметров кочевий Хасара, брата Чингис-хана, но не указывает, что эта территория могла быть связана с Эргунэ-Кун (Рашид-ад-Дин, 1952b. С. 52). Думается, информаторы персидского историка, знавшие святыни и предания старины глубокой, не преминули бы ему напомнить об этом.

Да, есть река в Маньчжурии с таким названием. Зориктуев полагает, что там должна быть и местность Эргунэ-Кун, куда он совершает экспедиционные поездки. Но ее описание, приводимое автором, не убеждает, что это есть то самое. Вряд ли в такой, достаточно населенной с древних времен и открытой

для кочевников местности, могли скрыться от врагов потерпевшие крах Кият с Нукузом, нет каких-либо локальных фольклорных отголосков, например, о «расплавленной горе», открывшей монголам Эргунэ-Куна путь из горных теснин в степные просторы. В «Сокровенном сказании» (1240) в ряде мест упоминается река Эргунэ или Аргунь, которая, по всей видимости, была давно и хорошо знакома монголам времен Чингис-хана. Например, сюда съезжались в связи с избранием Джамухи в гурханы его многочисленные сторонники (Козин, 1941. С. 116).

Следует также обратить особое внимание на то, что бассейн реки Эргунэ (Аргунь), прилегающий к Маньчжурии, не относился к тюркской ойкумене, которая исторически располагалась западней, в пределах Орхона – Саяно-Алтая. Стало быть, монголы, потерпевшие поражение от тюрков-тюгу, должны были находиться, примерно, в этом же географическом ареале. А спасительным убежищем в таком случае им могла послужить труднодоступная горная цитадель на территории тюрко-монгольского пограничья под названием Эргунэ-Кун, что более соответствует месторасположению Восточных Саян.

Но Б. Р. Зориктуев уверовал, что ориентир местонахождения прародины монголов обозначен названием реки Эргунэ. Самое удивительное происходит при описании автором исхода монголов из Эргунэ-Куна. Они во главе с родом чино уходят из Аргуни на западное побережье Байкала (Зориктуев, 2011. С. 52) и возвращаются, переплыв Внутреннее море Тэнгис, к верховьям Онона, как об этом сказано в «Сокровенном сказании» (Козин, 1941. С. 79). Этот непостижимый «марш-бросок» племени Буртэ-Чино на запад и обратно на восток остается темным местом в авторском изложении перипетий исторических событий той эпохи. И заставляет усомниться в правоте версии аргунской версии.

Вместе с тем небезынтересно отметить, что пребывание эргунэ-кунских монголов из Аргуни увязывается с монгольским племенем усуту-мангун (водяной мангун) (Зориктуев, 2011. С. 54), живущим в долине Ангары, согласно данным Рашид-ад-Дина (Рашид-ад-Дин, 1952а. С. 102). Более того, автор констатирует, что в преданиях о Буртэ-Чино и Гоа-Марал зафиксировано, по существу, первое проникновение монголов в район Байкала. Поскольку в дальнейшем монгольский этнический массив там постоянно расши-

рялся, выходило, что пришедшие из Эргунэ-Куна монгольские роды, предводительствуемые чиновцами, положили начало монголизации этого региона (Зориктуев, 2011. С. 60).

В пользу данного утверждения Б. Р. Зориктуева говорят и некоторые топонимические следы расселения ранних монголов (Буртэ-Чино) в Прибайкалье. Так, на р. Куде, притоке Ангары, вблизи пос. Усть-Ордынского есть старинный бурятский улус Бортураг (по современной административной номенклатуре пишется «Бартурки»). «Происхождение этого топонима совершенно прозрачно, – отмечает Коновалов, – Борто+уруг/ураг, что означает род Борто, точнее, родственник кому-то Борто-родня. Не является ли топоним Бортоураг знаменательной вехой, отмечающей путь движения потомков легендарных Кияна и Нукуса, вышедших из Эргунэ-Куна под предводительством Буртэ-Чино на просторы приангарских речных долин, но еще не переплывших Байкал» (Коновалов, 1999. С. 125). Данное предположение кажется вполне обоснованным в историческом контексте. Далеко не все монголы во главе с Буртэ-Чино, переплыв Тэнгис (Внутреннее море), ушли в сторону Онона. Многие из них остались в Прибайкалье, и они «составили впоследствии основной костяк бурятского племени эхирит в виде многих крупных родов шоно (чино) и бура (боро, бортэ)» (Михайлов В. А., 1993. С. 6). Отметим, что эхириты / икиресы относятся к тем родам, которые вышли из Эргунэ-Куна.

В связи с этим следует обратить внимание на культ так называемых монгол-бурханов, широко распространенный в прошлом среди кудинских, верхоленских, ольхонских и байкало-кударинских бурят, относящихся к эхиритам. Монгол-бурханов было много, они имели различные названия: хара-монголы, шара-монголы, ута-монголы и т. д. Образовалось целое сословие мелких территориальных духов. Каждый бурят перед постройкой новой юрты должен был испросить разрешения у духа-монгола и сделать жертвоприношение. В старину в каждой местности, в каждом улусе, чуть ли не в каждой усадьбе якобы находили места захоронения монголов, а потому молебствия этим духам носили массовый характер (Михайлов Т. М., 1980. С. 298–299). По сведениям Б. Э. Петри, «каждая долина, каждая гора или ложбина имеет своего духа. В большинстве случаев – это монголы. Все, умершие в Предбайкалье, монголы,

как первые насельники этого края, являются хозяевами тех мест, на которых стояли их юрты» (Петри, 1924. С. 103, 104).

Примечательно, что «культ монгола» сохраняется и в наше время среди качугских, кудинских и ольхонских бурят эхиритского происхождения, а также у их сородичей, переселившихся на восточный берег Байкала – кабанских бурят. С ним связан обряд, называемый монголоо эдеэлхэ 'кормить монгола'. Традиция почитания духа монгола не прерывалась и в советское время, ибо обряд можно было исполнять индивидуально, без шамана. С практической точки зрения обряд носит охранительный характер, обеспечивающий благополучие рода и умножение богатства. Он проводится весной с появлением первой травы и молочной пищи (Дампилова, 2014. С. 51, 53–55).

Что касается траектории движения Буртэ-Чино с западного берега Байкала на восточный, она выглядит убедительной в трактовке Б. Р. Зориктуева. При этом он опирается на важное уточняющее сообщение в «Эрдэнийн тобчи» Саган Сэцэна (XVII в.): «...Буртэ-Чино...взяв свою жену по имени Гоа-Марал, ... перешел море Тэнгис и пошел в восточном направлении. В районе Байкала Буртэ-Чино достиг горы Бурхан-Халдун и встретился с народом бэдэ, который сделал его своим нойоном» (Зориктуев, 1997. С. 14). В качестве аргументации Зориктуев со знанием дела приводит фольклорные данные о пребывании Буртэ-Чино в Баргузинской долине, поскольку народная память сохранила легенды и предания о предке Чингисхана. В «Баргузинских летописях» упоминается, что на склоне горы Бархан-улы – Тэбтээхи находилось стойбище Буртэ-Чино.

Именно баргузинский след Буртэ-Чино, сохранившийся в устной традиции бурят, а это уникальный случай воспоминаний о нем в фольклоре монгольских народов, дает возможность реконструировать путь Буртэ-Чино в восточном направлении. Поскольку в «Сокровенном сказании» указано, что Буртэ-Чино перешел Внутреннее море Тэнгис (Байкал) на пути к Онону, а бурятские легенды, заполняя лауну, сообщают, что он жил в Баргузинской долине у подножья Бархан-уулы, то возникает вопрос, откуда все-таки начинался путь Буртэ-Чино. И где подлинный Эргунэ-Кун? В свете вышесказанного становится очевидным, что это не местность у реки Эргунэ (Аргунь), располо-

женная далеко на востоке, а горы, примыкающие непосредственно к Приангарью. То есть те самые горы, куда могли уйти Кият с Нукузом, спасаясь от тюрок-тукю и где они накопили силу и энергию, чтобы заявить в дальнейшем о себе на авансцене Великой Степи.

Экспедиция в Оку: дневниковые записи, сентябрь 2011 г.

5.09. Понедельник.

Утром звонит Прокопий Батюрович Коновалов, археолог. Предложил присоединиться к поездке с Петром Шаблиным в Оку по следам древних монголов под знаком Эргунэ-Кун. Конечно, согласился.

У Коновалова много наработок по этой тематике: Буртэ-Чино и Гоа-Марал как союз монголов и тюрок (сакский субстрат), Алан-Гоа: символ древнего хори и баргутского единства (предков восточных и западных бурят), восточная и западная версии Эргунэ-Кун. Надо читать миф и интерпретировать его, а не углубляться в конкретику, считает он.

П. Коновалов сообщает, что к поездке в Оку, которая намечена на 13 сентября, присоединяются Бат-Очир с сыном (Улан-Батор), они приезжают 12.09. По словам П. К., Бат-Очир, хэнтэйский бурят, много лет занимается Эргунэ-Кун. Попытка связать исход из Эргунэ-Кун с Буртэ-Чино и путь через Тэнгис к Онону. Аха (Ока) – связующее звено, Нухэн дабан – тоннель (урхэ нухэн).

13.09. Вторник.

В 9.30 выехали из города в Оку (Аха). Экспедиция по следам Эргунэ-Кун. Состав: Петр А. Шаблин, руководитель (сам за рулем) и спонсор поездки, Бат-Очир, его сын Аригун, демограф, несколько лет назад окончивший университет в Улан-Баторе, Прокопий Б. Коновалов и я. По пути в Култүке присоединился к нам Николай Г. Доржиев.

Всю дорогу беседовали с Лхасурэн Бат-Очиром и П. Коноваловым. Первый сидел рядом со мной, в салоне иномарки. Он познакомился с Шаблиным в 90-х годах, учился в Москве. Бат-Очир считает, что Эргунэ-Кун находится в Оке.

Основной источник, на который опирается он в своих предположениях, – Абул-Гази «Генеалогическое древо: турки и татары. Заинтересовался, когда я поведал о том, как моя мать после окончания пединститута, получив направление в Орлик, проезжала

через Нухэн-Дабан. Просил по возвращению уточнить, был ли путь сквозь отверстие в горе. Это он называет остатками тоннеля сквозь Нухэн-Дабан, которые сотворили монголы, чтобы выйти из Эргүнэ-Кун. Сделали они это, по мнению Бат-Очира, чтобы прославить свое имя (алдаршахань түлөө).

Коновалов временами вмешивался в наш разговор и поправлял Бат-Очира с ссылкой на исследовательские работы монгольских ученых, в частности Сухбатова. Он писал о сянбийцах. Бат-Очир с ним не согласен, даже при жизни ученого делал ему замечания, которые тот обещал учесть.

Аха нас встретила легким снегом, устилая путь белой ковровой дорожкой. Уже темнело. Устроились в орликской гостинице «Саяны».

14.09. Среда.

Утром – встреча в конференц-зале администрации, которую вел Б. Д. Шарастепанов, глава Окинско-го района. Ниже приводится краткая запись выступлений.

Шаблин: есть две версии об Эргүнэ-Кун как прародине монголов: восточная и западная. Эргүнэ-Кун необходим для самосознания бурят XXI века. Монгольский мир должен заявить о себе на новом интеллектуальном уровне.

Коновалов: Экспедиция организована не официальными структурами, не академическими. Инициаторы: Шаблин, руководитель бурятского ЭМ-ЦЕНТРа и его команда. В науке нередки случаи, когда не специалисты, а люди как бы со стороны предлагают идеи, которые могут оказаться плодотворными (имеется в виду Бат-Очир). Существуют две легенды: 1. Легенда об Эргүнэ-Кун (450 лет монголы пребывали как бы в небытие); 2. Легенда о Буртэ-Чино и Гоа-Марал, пришедших через Тэнгис к Бурхан Халдуну, где Буртэ-Чино стал ханом. Две самостоятельные легенды об одном и том же.

Первая версия об Эргүнэ-Кун связана с Приаргуньем, это в сторону Маньчжурии. Но там не глухие, вполне доступные места, и нет таких гор, чтобы скрыться от врагов. Ока, Восточные Саяны более подходят. Отсюда путь в Приангарье и Баргузинскую долину, где сохранилась легенда о Буртэ-Чино.

Имеющиеся окинские археологические древности учтены в книге, которая собирается быть изданной и где он – научный редактор. Но раскопки нужны, поскольку чисто научное решение проблемы должно

опираться не на легенды, а на артефакты. Есть перспективы на туризм, для чего следует организовать с монголами.

Бат-Очир: По Грумм-Гржимайло, нигде в Восточной Азии нет такой земли, соответствующей описанию Эргүнэ-Куна, есть только в Восточных Саянах, в верховьях Енисея и притоках Ангары.

В прежние времена окинских бурят связывала с большим миром тропа, ведущая через Нухэн-Дабан (Дыра-перевал). А Нухэн (дыра) есть тоннель, сотворенный древними монголами для выхода из Эргүнэ-Кун. По нему проходили с лошадьми, верблюдами, Тоннель осел за многие столетия, но места здесь сакральные.

Буртэ-Чино, выйдя отсюда из Оки, ушел на Ангару, чтобы разбить своих прежних врагов (тюрков). Затем повернул в Баргузин, там есть следы ранней монгольской культуры (характерный признак в захоронениях – хониной сумгэн – овечья голенчатая кость, положенная ближе к изголовью). Считалось, что в этой кости обитает душа покойного.

В Эргүнэ-Кун, по данным Абул-Гази, обитали семь монгольских аймаков, из которых старшими считались хонгирады (Бат-Очир считает, что их потомки – это хонгодоры). Также отсюда вышли предки эхиритов и олхонутов, а также харанутов и хори.

Доржиев: Мы (Бат-Очир, Шаблин и я) поднимались на Нухэн-Дабан во время нашего первого приезда в Оку в июле этого года. Отверстие в скале, как показалось нам, не естественного происхождения. По всей видимости, путь через Нухэн-Дабан – кратчайший, связывающий Оку с Мондами и Тункой. Телеграфные столбы ЛЭП проходят по-над Нухэн-Дабаном. При доказательстве, что Эргүнэ-Кун здесь, Ока может стать ядром монгольского мира и привлекательным местом для туристов.

Дугаров: Могу сказать, что во мне издавна жило ощущение, что Аха (Ока) таит в себе необычную тайну. Об этом напоминает, прежде всего, окинская легенда о Бурэнхане и Тархае, первопоселенцах Оки, легенда, которая перекликается с историей двух братьев Кият и Нукуз, укрывшихся в Эргүнэ-Куне. Это и остатки вулканической лавы Шэбээ, напоминающие о расплавленной горе (в легенде об Эргүнэ-Кун), а народное воображение увязывает это с дворцом Гал Дулмэ-хана, расплавленным Гэсэром. И, наконец, Нухэн-Дабан, отверстие в скале, которое

пробил Гэсэр могучей хангайской стрелой, открыв путь для своего воинства. Все это легендарные отголоски давнего прошлого, возможно, какого-то реального исторического события, приобретшие легендарную форму.

Поездка на Сэнцын тала. Ээрийн гүбөө – место поклонения духам предков. Стела хонгодоров – напоминание об основном племени окинских бурят и праматери Лебеди. Керексуры. Захоронения средневекового периода – тюрко-монгольские. Круглой формы насыпи камней. Есть и курганы, относящиеся к временам до нашей эры, к скифам. Коновалов и вслед за ним мы (улан-удэнцы и несколько окинцев) обошли все захоронения. На таком небольшом пространстве большая концентрация могильников, – подытоживает Коновалов. Действительно, столько захоронений. Не исключено, что и древние монголы и их этнические предшественники соблюдали традицию упокоения праха своих вождей в недоступных местах.

Осмотрели стрелу Гэсэра: аккуратная, хорошо сохранившаяся каменная кладка с ориентацией восток – запад,

Съездили в сторону Шарзы, Тамгатай байса (утес с печатью). Поднялись к пещере, где хранились старинные книги. Часть, видимо, кто-то забрал. Я обнаружил на старомонгольском языке рукопись об Утайшане (по-бурятски Табан уула – Пять гор).

На обратном пути задержались в Монголжоне. Обнаружили еще две камнем выложенные стрелы, направленные на южный склон, который, вероятно, был площадкой во время проведения обрядов. Святилища как бы нету, но сам склон похож на алтарь святилища. Просматриваются места захоронений. Коновалов считает, что монголы хоронили ближе к лесу. На повороте долины Монголжон в сторону Монголжони һүүл (Хвост Монголжона) есть пещера на вершине горной гряды. Рядом изображение буддийской богини Зеленой Тары, подновленное Баярламой. Напротив, на другом берегу Ахи – Белая Тара, в местности Хараһан тала.

До Шэбээ съездить не удалось, хотел показать Коновалову расплавленный Гэсэром дворец Гал Дулмэ-хана.

15.09. Четверг.

С утра в кабинете у Б. Шарастепанова небольшая ознакомительная лекция о природных особенностях

Окинского края. Б. Ш. водит указкой по карте, показывая, какие конские тропы с древних времен связывали Оку с Приангарьем, откуда уходили от преследования врага монголы. Б. Шарастепанов, сам вдоль и поперек исходивший с детства родные края и водивший не раз школьников в туристические походы, полагает, что одним из важных географических объектов является перевал Сайлак, через который осуществлялось сообщение с Приангарьем. Об этом свидетельствуют внушительных размеров пирамида, сложенная из камней, у самого перевала. По всей видимости, пирамида старинная, берущая начало в глубине столетий.

По предположению Б. Д. Шарастепанова, монголы ушли из Балаганских степей в Саяны по Хойто-Оке и поселились по долине Оки, начиная с Бурэнгола и выше, Монголжин и Сэнсын тала. Размножившись и укрепившись, ушли через Нухэн-Дабан в Тункинскую долину, а оттуда в Приангарье, где взяли реванш у тюрков, потеснив их.

Вчера планировали добраться на лошадях до Сайлака, но в силу временного цейтнота и отсутствия достаточной экипировки, поездка не состоялась.

После обеда выехали из Орлика. Прибыли в Тэмээлиг к шести часам вечера. Расположились в бывшем посту ГАИ «Белый Иркут». Растопили печь мигом. В большом котле-тогоне разогревается вечерняя баранина плюс лапша.

Опять разговоры о стоячих камнях, которым местные жители не придавали значения, а теперь задумались. Из окинцев – Зоригто Цырендоржиевич Цыбикив, инструктор по туризму в районной администрации, из рода волка – шонорог, по матери – уляба. Он завтра поведет нашу группу к Нухэн-Дабану. Под крутым берегом гремит ночной Хара Иркут (Черный Иркут), словно подает голос сама бездна.

Думается об Эргунэ-Куне, Нухэн-Дабане и Монголжоне – они как тлеющие под пеплом истории угольки, могущие высечь искру будущего.

16.09. Пятница.

Утром все дружно пошли к Нухэн-Дабану. Подъем не составлял особого труда. Тяжелей было Бат-Очиру, но он с помощью «лыжных» палок и страхуемый сыном, медленно, но неуклонно шел вслед за нами. Чем выше поднималась извилистая тропа, тем сильнее красота, открывавшаяся в просвете золотя-

щихся лиственниц, захватывала дух. Это были серебряные вершины Хухэя, как в эпосе называются Саяны, увенчанные двурогой тиарой Мунку-Сардыка. Так вблизи я никогда не видел алтарь моей поднебесной Бурят-Монголии. В детстве не раз я пролетал на самолете из Монд или Кырена в Орлик, каждый раз прижимался к иллюминатору, чтобы увидеть и запечатлеть в своем еще чистом, как высокогорный снег, сознании доставшуюся мне по праву рождения и с благословения предков божественную красоту.

Начинается спуск, несколько поворотов тропы по лиственничному склону. И уже видны очертания Нүхэн-Дабана. Поднимаемся. И отверстие в горе вливается в тебя небесным оком, осененным ресницами лиственниц, которые царствуют в тайге Хухэя. Поднявшись по каменной россыпи к подножию «небесного ока» в отвесной скале, пробитого, согласно эпической легенде, стрелой Гэсэра, а по версии Бат-Очира, это и есть знак тоннеля, оставленного древними монголами по исходу из Эргүнэ-Кун. И то, и другое, на мой взгляд, по своей мифологической сути взаимосвязано под сакральным знаком.

Все, поднявшись к подножию отверстия, рассматривают широкую щель, уходящую в недра горы. Некоторые пролезают внутрь. Там есть полое пространство, – говорят они. Значит, – засверкали глаза сквозь очки у Бат-Очира, – это и есть тоннель, заваленный впоследствии в силу землетрясений и других стихийных факторов. Его сразу поддерживает Николай Доржиев. Остальные пока не выражают своего мнения. Выхода или начало тоннеля не обнаружили. Если даже это и было, то по истечению стольких веков оно слилось с ландшафтом, растворилось в нем.

Наполненные впечатлениями, вернулись на наш бивак. За чаепитием снова дискуссия, обмен мнениями. Снова оживают тени Буртэ-Чино и Гоа-Марал, братьев Кият и Нукуз, ушедших в Эргүнэ-Кун, и братьев Бурэнхан и Тархай – первых насельников Окинско-го края.

Ехали всю ночь. Разговорами поддерживали тонус П. Шаблина, поскольку он был за рулем. П. Коновалов, сидевший с ним рядом, то и дело задавал вопросы, на которые П. Ш. с удовольствием отвечал. Действительно, человек хорошо узнается в дороге. Интересно было услышать откровения Петра Ш. Он хороший рассказчик. Поведал целую одиссею, связанную с защитой докторской диссертации.

Незаметно я заснул. Проснулся, когда уже подъезжали к городу. Обменялись адресами с Бат-Очиром. Он остановился у Шаблина. Тот настроен держать его под домашним «арестом», пока не изложит в письменном виде свою версию об Эргүнэ-Кун.

17.09. Суббота.

В Интернете перечитал биографию Абул-Гази (1605–1664), хана хивинского, из рода Шейбанидовъ, происходящего от Чингисхана, автора сочинения «Книга родословного древа тюрков и монголов». Также в интернете обнаружил Н. Абаева – о тувинской версии Эргүнэ-Кун. Статья натянутая и амбициозная. Отмахивается от Зориктуева, автора восточной версии, фразой о том, что по названию Эргүнэ / Аргунь можно искать убежище древних монголов и на Кавказе, где есть река Аргун. Пытается, ссылаясь на ностратические выкладки Чагдурова, лингвистически привязать тувинские топонимы к Эргүнэ-Кун.

Перечитал Банзарова – о названии Эргүнэ-Кун, а также Кропоткина (ксерокс) – о поездке в Окинский караул, есть описание Нүхэн-Дабана. Позвонил матери, чтобы уточнить ее рассказ о том, как она в 1946 году проходила через Нүхэн-Дабан. Это было в августе. Мать после окончания пединститута получила направление в Орликскую школу. Их встретили около Монд на приготовленных лошадях. По ее словам, они прошли сквозь отверстие в скале Нүхэн-Дабана, ведя за собой лошадей на поводу. Другого пути не было. У отверстия лежали гимнастерки и другие вещи, оставленные вернувшимися домой фронтовиками.

Сакральное эхо времен

Культ горы Бурэнхан

Поклонение горам – широко известное и распространенное явление у монгольских народов. Поэтому не случайно ореолом почитания окружена самая высокая вершина Восточного Саяна – Мунку-Сардык, эжином-хозяином которой является Бурэнхан (монг.-бур. *Бүрэн хаан*). В представлении местных жителей прилегающие к вершине Мунку-Сардык территории отмечены особой благодатью, нисходящей от эжина-хозяина этой горы – Бурэнхана. Поэтому к собственному имени вершины придается эпитет *хайрхан* (в дословном переводе «милостивый»), в котором выражается уважительно-мистическое отношение к горе. Это почтительное обозначение при-

сущее монгольским оронимами священных гор, почитаемых в том или ином регионе или местности.

Что касается культовой системы бурят горных районов Бурятии – Окинского и Тункинского, прилегающих непосредственно к этой знаковой горе Восточного Саяна, культ Бурэнхана здесь занимает ведущее место. Особенно рельефно культ Бурэнхана сохранился в Окинском районе, где наблюдается возрождение прежде (в советский период) забытых традиций и обычаев, в том числе шаманских, связанных с почитанием сакральных мест, родовых территорий. Особенностью Окинского района является наличие жрецов гор, именуемых *хадаши* (от слова *хада* – гора, скала). Они, как правило, знатоки и исполнители обрядов, имеющих отношение к культу гор, в частности призываний к хозяевам (эжинам) тринадцати священных горных вершин (с традиционными подношениями и просьбами). Мне не раз доводилось общаться в с. Хужир с известным хадаши А.Ц. Папаевым (1948 г. рожд., род бадархан-хонгодор), записал от него тексты обрядовых призываний, обращенных к хозяевам гор. Обряд, по словам хадаши, совершается обычно в утреннее время, используется арса (можжевельник), белая пища – молоко, чай и водка, которую приносят «заказчики» обряда.

При призывании к хозяевам тринадцати горных вершин Оки (Ахын арбан гурбан улаан хада) сначала обращаются к Бурэнхану как старшему и главному из них:

Буурал сагаан эсэгэмнэй,

Седой белый наш отец,

Бүрэн хаан үндэр хайрахамни,

Бурэнхан высокий милостивый мой,

Нүхэн дабаа барисаантнай бэлэй даа

Нухэн-дабан ваша *бариса*, так ведь,

Хүбсүгүл далай хүлдэтнэй бэлээ даа.

Море Хүбсүгүл ваше *сулдэ*, так ведь.

(*Нухэн-дабан* – священный перевал на северной бурятской стороне Бурэнхана; *бариса* – место на горном перевале, где делаются подношения духам; *сулдэ / хүлдэ* – жизненная сила, дух).

Обращает на себя внимание нумерологическая характеристика хозяев священных вершин Горной Оки, которая сводится к числу 13. Это сакральное число характерно для религиозно-мифологической традиции бурят и в целом монгольских народов. По-

казательно, что в Окинском районе, сохранившем древнюю традицию *хадаши* – жрецов гор, в обряде почитания 13 восточносаянских вершин приоритет сохраняется за Бурэнханом как узловым элементом в иерархии горных божеств. По словам А.Ц. Папаева, «Бурэнхан постоянно смотрит на Оку, покровительствует ей, держит нас, окинцев, как бы у себя за пазухой – Бүрэн хаан Ахаяа ходо хаража, сахижа байдаг, маниие үбэртөө шэнги баряад байдаг».

Само имя Бурэнхан, состоящее из двух слов, переводится с бурятского языка: *Бүрэн* – «полный, совершенный», *хаан* – владыка, правитель, хозяин. Это современная трактовка данного оронима, имеющего на самом деле иную, как нам удалось выяснить, – древнюю – основу, связанную с именем Бүртэ-Чино. Полтора столетия назад Г. Н. Потанин, собирая фольклорный материал у саянских бурят, записал в Мондах у знатока местной старины Наван-ламы очень ценное сообщение о Мунку-Сардыке. По его словам, эжином-хозяином этой культовой горы является Шоно-нойон или Бурен-хан, «причем слово шоно лама сам перевел русским словом: волк». В другом месте Потанин отмечает: «говоря о Бурен-хане, бурятское сказание ставит этот белок (сибирское название горной вершины, покрытой снегом – Б. Д.) в связь с представлением о волке» ((Потанин, 1883. С. 128, 827, 866). Действительно, в названии Бурэнхан / *Шоно-нойон* явно слышится «волчий» отголосок тюрко-монгольского двуязычия времен Эргүнэ-Куна – тюркоязычного слова *буре / бури*, соответствующего бурятскому и монгольскому *шоно и чоно / чино*).

В этом тотемическом орониме Бурэнхан, освященном древностью, закодировано, возможно, имя самого Бүртэ-Чино – вождя племени / рода волка. Семантическая парадигма образа Бүртэ-Чино и его историко-мифологический контекст дают достаточный повод для такого предположения. При этом следует иметь в виду, что, согласно устным рассказам, легендам и преданиям, бытующим у тюрко-монгольских народов, хозяевами гор становились именно духи первопредков, шаманов и других выдающихся лиц. Исследователями давно отмечена связь почитания гор с определенной территорией, на которой господствует вершина, имеющая своего «духа-хозяина» (Молчанов, 1910. С. 72).

Более того, прослеживается интересное совпадение: начиная с Саяно-Прихубсугулья вдоль границы

Монголии с Бурятией и на восток в сторону Онона отмечены горные вершины и населенные пункты, носящие название Бурэн / Бурин хан. Все это свидетельствует о широком распространении данного топонима, сохранившего, по всей видимости, отголоски общемонгольского культа Бурэн хана (Галданова, 1998. С. 19; Галданова, Герасимова, Дашиев, Митупов, 1983. С. 123–124). Кльта, берущего начало с эргунэ-хунского периода средневековой истории чинисцев.

Миф о расплавленной горе

Есть одна уникальная природная достопримечательность на территории Окинского района, придающая горно-таежному ландшафту фантастический вид. Это причудливая гряда остывшей вулканической лавы, оцетинившейся глухим нелюдимым лесом, именуемая по-бурятски Шэбээ (изгородь, частокол; укрытие). Она тянется на расстоянии многих километров вдоль по течению р. Жомболок, а после впадения его в р. Оку – до местности Обоото. Сами местные жители этот отвердевший поток вулканической лавы связывают с «руинами дворца» Гал Дулмэ-хана, расплавленного Абай Гэсэром, героем бурятского героического эпоса. Примечательно, что подобное предание было распространено и у приангарских бурят. Об этом писал М. Н. Хангалов: «Абай-Гэсэр-богдо-хан с помощью девяти небесных кузнецов (тэнгэриин ёһон дархад) раскалил сына Гал-Долмо-хана, отчего дворец Гал-Долмо-хана расплавился и образовалась гряда камней и железных шлаков» (Хангалов, 1959. С. 324). Этот эпизод встречается во многих вариантах бурятской Гэсэриады, причем все вариации имени Гал Дулмэ-хана (Огненно-Пламенного хана) связаны с огнем, огненной стихией – *гал*, с пламенем – *Дулэн*, *Дулмэ*, *Дүрмэ* (от слова *дүрэхэ* – гореть, сгорать), и с горячим пеплом, золой – *Нурма(н)*, указывающие на вулканическое происхождение этого природного феномена (Дугаров, 1995).

Действительно, вулканический фактор имел место в районе р. Жомболок, причем в сравнительно недавнее время. Как выяснили иркутские ученые (С. Г. Аржанников, А. В. Иванов, А. В. Аржанникова и др.), здесь зафиксировано самое молодое из известных вулканических извержений в Центральной Азии, которое приходится на временной отрезок с 682 по 792 годы. Более того, в результате долговременных

полевых исследований, дендрохронологического анализа, радиоуглеродного датирования и сличения с данными монгольских исторических хроник вулканологи определили, что вулканическая активность в этот период могла спровоцировать миграцию монгольских племен из Эргунэ-Куна, то есть из Оки, в сторону Онона. Согласно уточняющим датам – годы рождения Борте-Чино (758 г. н. э.) и его сына Бат Цагаан-хана (786 г. н. э.) – завершающий исход монголов из Оки мог произойти предположительно в период 778–786 гг. при формировании лавы четвертой стадии (Arzhannikov et al., 2016. P. 87, 98).

Данные и выводы ученых, кажется, окончательно подводят черту относительно местонахождения Эргунэ-Кун и позволяют заново оценить и осмыслить сообщение Рашид-ад-Дина об исходе монголов из этой горной страны, ставшей их исторической колыбелью. Безусловно, в повествовании о пребывании монголов в теснинах Эргунэ-Куна знаковым представляется мотив о расплавленной горе. Когда размножившимся монголам стало тесно, они с помощью семидесяти мехов, сделанных из шкур 70 быков и лошадей, раздули общими усилиями огонь из собранных дров и угля у подножия богатого железной рудой горного склона. Раздували до тех пор, пока не расплавился крутой склон и не образовался проход в горе, по которому монголы вышли «на простор степи» (Рашид-ад-Дин, 1952а. С. 153–154).

Думается, это повествование носит иносказательный характер, что вообще свойственно восточной традиции. Тем более, что прошло достаточно много времени – более 500 лет, чтобы это историческое воспоминание об Эргунэ-Куне, с которого начинается точка отсчета образования монгольского этноса, приобрело фольклорно-мифологическую интерпретацию. На это, прежде всего, указывает число 70, которое применяется в монгольском фольклоре для обозначения большого количества, множества чего-либо.

Сам процесс задувания огня мехами обставлен как эпический ритуал мощного коллективного действия, а проход в горном хребте, открывший кочевникам путь к степным просторам, чтобы начать восхождение по ступеням истории, представляется сказительской гиперболой. По мнению Бат-Очира, участника окинской экспедиции 2011 года, монголы уходили из Оки через Нухэн-Дабан сквозь тоннель,

пробитый ими, чтобы прославить свое имя, согласно описанию Абул-Гази. Уходили они, маркируя свой путь топонимическими отзвуками обретенного в Эргунэ-Кун этнонима монгол: начиная с Оки – долина Монголжон, р. Монгошо (левый приток р. Оки), в Тунке, начиная с верховий р. Иркут: с. Монды – Мон (название селения), Мон уула (гора Мон), на южном склоне которой, по словам мондинских старожилов, совершался в старину обряд, обращенный к Бурэнхану – хозяину горы Мунку-Сардык, Мон хада (скала Мон), хребет Монго в сторону Ниловой пустыни и с. Хойтогол, речка Монгол – приток р. Зун-Мурино, впадающей в р. Иркут в его нижнем течении.

Мотив расплавленной горы как раз и связан с драматической для монголов геологической катастрофой в виде ожившего огненного потока лавы, сопровождаемого подземным гулом, в непосредственной близости от их стойбищ и пастбищ. Метафорически описанный исход кочевников из Эргунэ-Куна показывает, что они, обретая волю и силу духа, увидели свой путеводный знак в проявлениях природной стихии. Это было первым кочевьем монголов, происходившем в недрах восточносаянской Азии и походившем на предродовые схватки богини земли Этуген, рождавшей будущих владык Великой Степи и покорителей мира.

Легенда о братьях Бурэнхане и Тархае

В фольклоре окинских бурят особый интерес представляет старинная легенда о первопоселенцах Окинского края – братьях Бурэнхане и Тархае. Эту легенду хорошо знали старожилы Бурэнгольской долины, любил ее рассказывать мой отец С. Г. Дугаров: «Преодолев перевал Нухэн-дабан, братья оказались в нелюдимой горной стране. Спускаясь вниз по течению р. Оки (бур. Аха), они заселили Бурэнгольскую долину, откуда, говорят, и пошли окинские буряты. Жили первопоселенцы в достатке и довольствии. Во всех делах верховодил по праву старшинства Бурэнхан. Он был первым в охоте, отличался силой и мудростью, был главной опорой и примером для сородичей. В честь него – своего старшего брата и назвал Тархай реку Ока – Аха, т. е. «брат, старший», а озеро, откуда она вытекает, – Ахын нуур («озеро брата»). А название местности Бурэнгол – тоже от его имени, Бурэнхана. Сам же Тархай был не хуже брата – парень-удалец, отменный охотник. Неспроста его

назвали Һалхин Тархай (Ветер-Тархай) за его быстроту и неугомонный характер».

Устная же традиция окинских бурят, по утверждению А. Ж. Дыржинова, знатока этногенеза окинцев, относит Бурэнхана к хонгодорскому роду шуранхан, представители которого проживают в Оке, Алари, Тунке и Закамне, где отмечен, помимо того, этноним бурэнгуд, схожий по звучанию с антропонимом Бурэнхан (Бурядайт түүхэ бэшэгүүд, 1998. С. 129). Вероятно, связь Бурэнхана как неординарного персонажа окинского фольклора с указанным родом не случайна.

О Шуранхане существует любопытная, позитивно его характеризующая поговорка: «Шүлүүһэнэй шүдэниинь хурса, Шуранханай хуулинь хурса (У рыси клыки острые, у Шуранхана закон строгий)» (Балдаев, 1960. С. 323). Само имя Шуран означает 'бойкий, сообразительный'. Многозначительный мифологический аспект просматривается и в предании о происхождении рода шуранхан. Его первопредок был найден ребенком, зажавшим в руках по комочку спекшейся крови. Поэтому найденышу дали имя Шуранхан, точнее – Шүһатайт ерэнэн Шуранхан 'родившийся с кровью в руках Шуранхан' (Михайлов В. А. Генеалогические легенды Тунки // Саяны. 1992. № 199. С. 3). Напомним, что подобный элемент партеногенеза, сопряженного со знаком избранничества, содержит рождение Тэмуджина со сгустком крови в руке, описанное в «Сокровенном сказании» (Козин, 1941. С. 85).

В свете вышеизложенного можно допустить, что Шуранхан и Бурэнхан – это скорее всего одно и то же лицо. Бурэнхан в данном случае – персональное титул-имя. Оно содержит отзвук антропонима Буртэ-Чино и обнаруживает сходство с Бурэнханом – культовым названием хозяина-эжина горы Мунку-Сардык.

Сама же окинская легенда напоминает сюжет о братьях Кияне и Нукузе – родоначальниках монголов, скрывшихся со своими семьями от врага в недоступной горно-таежной местности под названием Эргунэ-Кун, окруженной со всех сторон горными хребтами (Рашид-ад-Дин, 1952а. С. 153–154). Подобный мотив о двух братьях, открывающих себе новую родину в горных теснинах, встречается в фольклорном наследии монгольских народов только в записи Рашид-ад-Дина (14 в.) и у окинских бурят. Не исключено, что

между этими двумя легендами существует какая-то преемственная перекличка, несмотря на большой временной разрыв и превратности исторических судеб потомков Буртэ-Чино. Дело в том, что далеко не все эргунэ-кунские дарлекин-монголы, покинув Саянские горы, ушли к истокам Онона. Часть их, как уже было сказано, осталась в Прибайкалье в лице крупных родов эхиритов, харанутов и многочисленных чиносцев – представителей рода шоно (волка).

Что касается окинских бурят, их этнический состав, несмотря на относительную малочисленность, тоже несет отголосок Эргунэ-Куна – и не только. В генеалогии окинцев и их этнонимах отразились, как в капле воды, многие исторические процессы, происходившие в монгольском мире и в Центральной Азии в целом. Это роды тэртэ и донгойд – осколки кераитского ханства, онходы – потомки онгутов, кочевавших у Великой Китайской стены, уляба – ответвление хурхутов, чья родословная тянется к курыканам, һойһо, чье название указывает на уйгурское происхождение, хорчиды – потомки лучников из гвардии Чингисхана (Дугаров, 1983).

Этническую связь же с монголами-дарлекинами из Эргунэ-Куна обнаруживают, прежде всего, хонгодоры / хонгирады, которые проживают в Аларском районе Иркутской области, а также в Тункинском и Закаменском районах Бурятии (Галданова, 1996). В Оке они представлены родами шуранхан, шуртэхэ, сагаантан, болдой, мотонго, бадархан и др., которые определяют этническое лицо окинских бурят. Память об эргунэ-кунских чиносцах прослеживается и в многочисленном в Оке «волчьем» роде шоно (шонорог / шоно ураг).

Давно погрузилась в Лету легенда об Эргунэ-Кун, забылись имена Кията и Нукуза, но сам сюжет о двух братьях как первопроходцах Саянских гор, обретших здесь родину, остался. И он ожил с течением времени у окинских бурят – наследников земли Эргунэ-Кун под именами их легендарных первопредков – Бурэнхана и Тархая. Словно в мифе о вечном возвращении.

В целом данная легенда в закодированной форме указывает на то, что Ока является с давних времен освоенной монголоязычными этносами территорией. Об этом говорят данные, приведенные В. И. Рассадным (Рассадин, 1987. С. 46–47), согласно которым большинство гидронимов в Оке оказались бурятскими. Также в основном монголоязычного

происхождения является и окинская топонимика в целом, в том числе сакральные оронимы – названия священных гор.

Заключение

В поисках местонахождения Эргунэ-Кун – родины предков Чингисхана мы в своих исследованиях опирались на источники – «Сокровенное сказание» (1240) и «Собрание летописей» Рашид-ад-Дина, а также труды современных бурятских этнографов, археологов и фольклористов, имевших отношение к данной теме. Были привлечены данные культового и генеалогического фольклора саянских бурят, сохранившего сакральные отголоски минувших времен, особенно сюжет о братьях Бурэнхане и Тархае – первопоселенцах Окинского края, перекликающийся с легендой о братьях Кияте и Нукузе, обретших свою родину в горах Эргунэ-Куна. Также важным оказалось открытие иркутских ученых-вулканологов о поздней вулканической активности в Оке, спровоцировавшей уход монголов из горных теснин, что фигурально соответствует мифу о расплавленной горе, ставшему заключительным аккордом в эргунэ-кунской истории.

В итоге мы пришли к выводу, что Эргунэ-Кун находился в горах Восточного Саяна, на территории нынешнего Окинского района Бурятии и прилегающей к нему Тункинской долины. Именно отсюда, на наш взгляд, начинался путь основателя ханского рода монголов Буртэ-Чино, чье имя закодировано в названии господствующей в данном регионе горы Бурэнхан (Мунку-Сардык). Следы пребывания племени буре-чино (волка) в теснинах саянских гор маркируются топонимическими названиями с корневой основой *мон* и словом *монгол*, ставшим этнонимом в эргунэ-кунский период. Траектория пути Буртэ-Чино охватывала Приангарье и в целом Прибайкалье, что положило начало монголизации этого региона. Далее, как сказано в «Сокровенном сказании», Буртэ-Чино с супругой Гоа-Марал переплывают Внутреннее море Тэнгис (Байкал) и, прожив некоторое время в Баргузинской долине, прибывают к верховьям Онона у горы Бурхан-Халдун, где монголы, ведомые чиносцами, начинают восхождение по ступеням истории.

В заключение хотелось обратить внимание на то, что окинская версия о местонахождении Эргунэ-Кун обретает своих сторонников в Монголии. Об этом свидетельствует изданная в Улан-Баторе в 2015 году

книга известного монгольского писателя и общественного деятеля Хатагин Акима «Авралын орон Эргүнэ гүн» (Земля спасения – Эргүнэ гүн). Она напи-

сана на материалах поездки автора в Окинский район Бурятии с привлечением научной литературы и переведена им же на английский язык.

Список источников

Балдаев С. П. Буряад арадай аман зохеолой түүбэри. Улан-Удэ : Буряадай номой хэблэл, 1960. 409 с.

Галданова Г. Р. Хонгодоры – хонгирады? // Монголо-бурятские этнонимы. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1996. С. 83–93.

Галданова Г. Р. Бурятский шаманизм: прошлое и настоящее // Традиционная культура бурят. Вып. 3. Сибирь: этносы и культуры. М. ; Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 1998. С. 5–46.

Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск : Наука, 1983. 236 с.

Дампилова Л. С. Образ мифологического персонажа «монгол» в современных обрядовых действиях бурят // Аман зохиол судлал. Улаанбаатар : «Соёмбо принтинг» ХХК, 2014. Т. XXXV. С. 51–59.

Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1983. С. 90–101.

Дугаров Б. С. Об эволюции образа Гал Дулмэ-хана (на материале окинских легенд о Гэсэре) // Гэсэриада – духовное наследие народов Центральной Азии : Международная научная конференция. Улан-Удэ, 1995. С. 138–139.

Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII в. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 104 с.

Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М. : Восточная литература, 2011. 279 с.

Козин С. А. Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 619 с.

Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.

Михайлов В. А. Войлочная и деревянная юрта у бурят. Улан-Удэ : Сибирь, 1993. 75 с.

Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск : Наука, 1980. 320 с.

Молчанов И. А. Летняя экскурсия в Монголию на голец Эхэдэ-Хухтэ или Улан-Хада в 1908 году // Труды Троицкосавско-Кяхтинского Отделения Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Т. XI. СПб. : Сенатская типография, 1910. С. 65–74.

References

Baldaev S. P. (1960) Collection of works of oral folk art of the Buryats. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 409 p. (In Buryat).

Galdanova G. R. (1996) Are the Hongodors the Hongirads? *Mongolo-buryatskie etnonimy = Mongol-Buryat ethnonyms*. Ulan-Ude: BNTS SO RAN. P. 83-93. (In Russ.).

Galdanova G. R. (1998) Buryat shamanism: past and present. *Traditsionnaya kul'tura buryat. Vyp. 3. Sibir': etnosy i kul'tury = Traditional culture of Buryats. Iss. 3. Siberia: ethnoses and cultures*. Moscow-Ulan-Ude: Publishing and Printing Complex VSGAKI. P. 5-46. (In Russ.).

Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B., Mitupov G. T. (1983) Lamaism in Buryatia in the XVIII - beginning of the XX century. The structure and the social role of religious system. Novosibirsk: Nauka. 236 p. (In Russ.).

Dampilova L. S. (2014) The image of the mythological character «Mongol» in modern ritual activities of the Buryats. *Aman zokhiol Sudlal. Ulaanbaatar: Soyombo Printing XXX. Vol. XXXV. P. 51-59.* (In Russ.).

Dugarov B. S. (1983) On the origin of the Oka Buryats. *Etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi mongol'skikh narodov = Ethnic and historical and cultural ties of the Mongolian peoples*. Ulan-Ude: BF SO AN SSSR. P. 90-101. (In Russ.).

Dugarov B. S. (1995) On the evolution of the image of Gal Dulme Khan (based on the Okin legends about Geser). *Geseriada - dukhovnoe nasledie narodov Tsentral'noi Azii. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya = Geseriada - the spiritual heritage of the peoples of Central Asia. International scientific conference*. Ulan-Ude. P. 138-139. (In Russ.).

Zoriktuev B. R. (1997) Cisbaikalia in the middle of the 6th - beginning of the 17th century. Ulan-Ude: Publishing house of BNTS SB RAS. 104 p. (In Russ.).

Zoriktuev B. R. (2011) Actual problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats. Moscow: Eastern Literature. 279 p. (In Russ.).

Kozin S. A. (1941) Secret Legend: Mongolian Chronicle 1240. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. 619 p. (In Russ.).

Kononov P. B. (1999) Ethnic aspects of the history of Central Asia (antiquity and the Middle Ages). Ulan-Ude: Publishing house of BNTS SB RAS. 214 p. (In Russ.).

Mikhailov V. A. (1993) Felt and wooden yurt among the Buryats. Ulan-Ude: Siberia. 75 p. (In Russ.).

Mikhailov T. M. (1980) From the history of Buryat shamanism (from ancient times to the 18th century). Novosibirsk: Nauka. 320 p. (In Russ.).

Molchanov I. A. (1910) Summer excursion to Mongolia to the Ehede-Khukhte or Ulan-Khada char in 1908. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhinskogo Otdeleniya Priamurskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva = Proceedings of the Troitskosavsko-Kyakhhta*

Петри Б. Э. Элементы родовой связи у северных бурят // Сибирская живая старина. Этнографический сборник. Иркутск : Первая Гос. Тип., 1924. Вып. II. С. 98–126.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: дневник путешествия. Материалы этнографические. Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К°, 1883. Вып. 4. 1029 с.

Рассадин В. И. Система гидронимов бассейна р. Оки // Исследования по ономастике Бурятии. Улан-Удэ : БФ СО АН СССР, 1987. С. 41–48.

Рашид-ад-Дин. Собрание летописей. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952а. Т. 1. Кн. 1. 222 с.

Рашид-ад-Дин. Собрание летописей. Л.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952б. Т. 1. Кн. 2. 316 с.

Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. 2. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. 444 с.

Буряадай түүхэ бэшэгүүд. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. 142 с.

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonerova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. The most recent (682–792 CE) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778–786 CE) // Journal of Asian Earth Sciences. 2016. P. 87-99.

Информация об авторе

Б. С. Дугаров – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия.

Вклад автора

Дугаров Б. С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2021 г.; одобрена после рецензирования 26 января 2022 г.; принята к публикации 7 февраля 2022 г.

Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society. St. Petersburg: Senate Printing House. Vol. XI. P. 65-74. (In Russ.).

Petri B. E. (1924) Elements of the tribal connection among the northern Buryats. *Sibirskaya zhivaya starina. Etnograficheskii sbornik = Siberian living antiquity. Ethnographic collection.* Irkutsk: First State. Type. Iss. II. P. 98-126. (In Russ.).

Potаниn G. N. (1883) Sketches of North-West Mongolia: a travel diary. Ethnographic materials. St. Petersburg: Publishing house V. Bezobrazova and K°. Iss. 4. 1029 p. (In Russ.).

Rassadin V. I. (1987) System of hydronyms of the basin of River Oka. *Issledovaniya po onomastike Buryatii = Research on onomastics of Buryatia.* Ulan-Ude: BF SB AS USSR. P. 41-48. (In Russ.).

Rashid ad-din. (1952a) Collection of Chronicles. Leningrad; Moscow: Academy of Sciences of the USSR Vol. 1. Book. 1. 222 p. (In Russ.).

Rashid ad-din. (1952b) Collection of Chronicles. Leningrad; Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. Book. 2. 316 p. (In Russ.).

Khangelov M. N. (1959) Collected Works. Ulan-Ude: Buryat bookpublishing house. Vol. 2. 444 p. (In Russ.)

(1998) Buryat historical chronicles. Ulan-Ude: Publishing house of BNTs SB RAS. 142 p. (In Mong.)

Arzhannikov S. G., Ivanov A. V., Arzhannikova A. V., Demonerova E. I., Jolivet M., Buyantuev V. A., Oskolkov V. A., Voronin V. I. (2016) The most recent (682-792 CE) volcanic eruption in the Jombolok lava field, East Sayan, Central Asia triggered exodus of Mongolian pre-Chinggis Khaan tribes (778–786 CE) // Journal of Asian Earth Sciences. P. 87-99.

Information about the author

B. S. Dugarov – Dr. Sci (Philology), Leading Researcher of the Department of Literary and Folklore Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 6, Sakh'yanova St., Ulan-Ude 670047, Russia.

Contribution of the author

Dugarov B. S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted December 23, 2021; approved after reviewing January 26, 2022; accepted for publication February 7, 2022.